

Eastern Podillya dialects has not been studied yet, so it needs a thorough study, which determines the relevance of this article.

The purpose of the article is to analyze the synonymy of prepositional constructions in the Eastern Podillya dialects of the Ukrainian language, to consider the specifics of their use.

To achieve this purpose, we used a descriptive method with elements of statistical, linguistic, and modeling of lingual phenomena.

The sources of our study are modern records of dialect texts of researchers of the Eastern Podillya dialects (Martynova G., Tyshchenko T., Polishchuk L.) and own records was collected by the author in the territory of Eastern Podillya.

Keywords: dialect syntax, dialects, prepositional constructs, Eastern Podillya patois.

УДК 811.161.2

Фісун Р. С.

СОСТАВНЫЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ⁴

Стаття присвячена дослідженню групи не повністю граматикалізованих неозначених займенників, а саме складених неозначених займенників (СНЗ), яким в граматичних довідниках і наукових роботах про неозначеність приділено мало уваги. На українському мовному матеріалі розглянуто формальну та семантичну структуру цих елементів, джерела їхньої граматикалізації та питання розмежування цієї групи займенників. Крім того, запропоновано корпусно-лінгвістичний метод, який уможливило систематичне виявлення індикаторів неозначеності, наведено результати такого аналізу.

Ключові слова: неозначені займенники в українській мові, семантика, складені займенники, неозначені прономінативи, неозначеність.

1. Составные местоимения как категория

Традиционно местоимения рассматриваются как закрытая группа слов [6; 12; 21]. Однако для группы неопределенных местоимений это не вполне справедливо: кроме «традиционных» – кодифицированных в грамматиках – неопределенных местоимений типа укр. *хтось, хто-небудь* и т.д. в славянских языках в процессе динамического процесса граматикализации возникают многочисленные выражения неопределенности, часто состоящие из нескольких орфографических слов. Такие выражения, подобно традиционно выделяемым неопределенным местоимениям, содержат в своей структуре основу вопросительно-относительного местоимения (формальная сторона) и в своей основной функции выражают неопределенную референцию в широком смысле (функциональная сторона). Примером такого составного неопределенного местоимения (СНМ) может служить *казна-хто*:

(1) – *Ото якби ти не гасав казна-де, то не задавав би дурних запитань, – сказав він* (В. Рутківський. Джури і підводний човен, 2011)⁵.

Развитие СНМ не является особенностью украинского языка. Результаты данного процесса можно найти во всех славянских языках: русск. *неведомо кто*, бел. *немаведама дзе*; польск. *co by nie było*, чешск. *zřidkakdo*, словацк. *hocikto*; н.-луж. *chto wě kak*, в.-луж. *mało hdy*; словенск. *redko kaj* и т.д. Однако подобные единицы очень редко становятся предметом описания в грамматиках и исследованиях по неопределенности. Первыми работами в украинистике, которые напрямую посвящены данному вопросу, насколько нам известно, стали статьи Й. О. Дзензелевского [5] и О. М. Масюкевича [14].

⁴ Фісун Р. С. Складені неозначені займенники в українській мові. Статтю подано в авторській редакції російською мовою.

⁵ Все примеры, представленные в статье, за исключением (30), были извлечены из трех языковых корпусов: из нового корпуса ГРАК (<http://uacorpus.org>), из корпуса mova.info (<http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209>) и из украинской части параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Для описываемых единиц были предложены – прежде всего в русистике – разнообразные термины: «составные местоимения» [9, 195], *амальгамы и квазирелятивы* [24], *К-выражения* [15]. И. В. Дудко [7] использует для украинских единиц термины «местоименные образования» (*займенникові утворення*) и «устойчивые сочетания» (*стійкі сполуки*). Насколько нам известно, в других славянских филологических традициях не существует специальных наименований для таких единиц.

Термин «составные местоимения», предложенный О. П. Ермаковой [9, 195], кажется нам наиболее удачным, поскольку он отражает морфосинтаксическую структуру таких единиц, способность образовывать т.н. серии (*бозна-хто, бозна-що, бозна-який, бозна-де, бозна-скільки...*) и, наконец, функцию данных единиц.

Стоит отметить, что степени кодификации СНМ украинском и русском очень различаются. Хотя СНМ на русском материале сравнительно хорошо изучены, они остаются на периферии языковой кодификации: в большинстве русских грамматик в качестве неопределенных местоимений приводятся лишь «традиционные» серии на *-то, -либо, -нибудь, кое-*⁶. В украинском языкознании наблюдается иная ситуация: поскольку неопределенные местоимения как самостоятельная группа были описаны достаточно поздно [7, 35], в части их кодификации не наблюдается консенсуса. С одной стороны, в большинстве грамматик приведены только серии: на *аби, будь-, небудь-, де-, -сь* [27, 261; 10, 158], которые можно, таким образом, признать «традиционными». В других работах, однако, этот список расширяется сериями с такими модификаторами, как *казна-, хтозна-, бозна-*, или *хоч* [4, 336–337; 1, 178]. Наконец, многие авторы приводят только наиболее частотные единицы и коллокации, указывая на то, что существуют и другие подобные местоимения [22; 2, 275–276]. В работах И. В. Дудко [7; 8] предлагается наиболее полный список модификаторов, а также описывается их значение. Кроме того, Дудко [7] вводит СНМ с модификаторами *хтозна- / казна- / бозна- / чортзна-* в группу традиционных неопределенных местоимений.

В следующих разделах статьи обсуждаются вопросы структуры и источников грамматикализации СНМ, границ группы, а также инвентаря и значения СНМ.

2. Структура СНМ

СНМ имеют бинарную структуру, они состоят из *к-корня⁷ и маркера неопределенности – т.н. модификатора (термин [3]): *бозна-хто / що / чий* и т.д. Модификатор может соответствовать омонимичному самостоятельному слову (*невідомо*), комбинации слов (*Бог знає*), или не иметь такого соответствия в современном языке (*бозна*). Пре- и постпозитивные элементы зачастую рассматриваются как аффиксы или «аффиксоиды» [9], подобные «традиционным» аффиксам типа укр. *аби-, -небудь* или *-сь*. Однако термин «модификатор» кажется нам более удачным: описываемые маркеры неопределенности, как это будет показано ниже, не образуют гомогенной группы и лишь частично обладают признакам аффиксов.

По своей структуре СНМ делятся на две группы:

1) СНМ, модификатор которых располагается перед *к-корнем, рассматриваются в литературе как результат слусинга [24]. Под слусингом понимается эллиптический процесс, при котором зависящее от матричного предиката придаточное предложение выпускается таким образом, что от него остается лишь союзное слово (вопросительно-относительное местоимение):

(2) *Він робить, але бог знає, що він робить.* → *Він робить бог знає що.*

2) СНМ, модификаторы которых располагаются после *к-корня, интерпретируются как неполные косвенные относительные и вопросительные придаточные [11, 161; 24]; например, СНМ *що завгодно*:

⁶ Детальный обзор см. в [3, 13–18].

⁷ А. В. Исаченко [11, 163] предложил данный термин для обозначения этимологического корня славянских вопросительных местоимений.

(3) *Ви можете сказати, все, що вам завгодно.* → Скажи **що завгодно**, але не мовчи.

Крім того, слід згадати, що в українському мові існує модифікатор *будь*, який може займати обидві позиції – перед і після місцеименного кореня:

(4) а. *На території України забороняється створення і функціонування будь-яких збройних формувань, непередбачених законом.* (Конституція України, 1996–2011)

б. *<...> в гімназії нема жадного вбогого гімназиста, котрому чим-будь не запоміг би Горовенко <...>.* (Ю. Горовенко. Хроніка з сумного часу, без года)

3. Істочники граматикизації модифікаторів

М. Хаспельмат [30, 130–141] виділяє шість типів модифікаторів в залежності від істочників їх граматикизації:

i) СНМ типу ‘*dunno*’ виходять к клаузе со значенням ‘я не знаю’. К этой групі належить велике кількість українських модифікаторів: **хтозна-** / **казна-** / **бозна-** / **чортзна-хто**, **біс (його) зна як**, **невідомо що** і т.д.:

(5) *Не виключено, що навіть у недалекому майбутньому референдум буде використовуватися для легалізації хтозна-якого політичного режиму, хтозна-якої мови або союзу* (В. Мусіяка. *Fata morgana* народного суверенітету // Дзеркало тижня, 2012)

(6) *Чи привезуть йому цей вантаж з Козової, чи невідь-звідки?* (В. Мороз. Колапс буряківництва? Цукроварню – на замок, а робітників – на біржу // Галичина, 2013)

ii) К групі ‘*want/pleases*’-модифікаторів належать, наприклад, серії на *хоч* или *завгодно*:

(7) *Чистісіньке приворот-зілля, від нього хоч хто зійде з ума!* (О. Гончар. Твоя зоря, 1988)

(8) *Цього цілком досить цим людям, щоб поставити кого завгодно під сумнів і злобно розстріляти.* (І. Багрянний. Розділ вісімнадцятий: Людина біжить над прірвою, 1992)

iii) Група ‘*it may be*’ вміщує в своїй структурі етимологічну форму глагола ‘*бути*’. К ней відноситься пре- (9) или постпозитивний модифікатор *будь*:

(9) *<...> антидержавні сили в Севастополі можуть організувати провокацію будь-якого масштабу, проте масштаб визначатимуть не вони.* (І. Лосєв. Закон із „секретом”, 2009)

iv) Модифікатори типу ‘*no matter*’ утворюються від конструкцій со значенням ‘все рівно’. К этому типу відноситься серія на *байдуже*:

(10) *І байдуже хто вона – агентка Москви, проститутка Шангаю, тангстерка Чікаго, яке це має значення, коли вона вже в мені, в моїй крові, моїх мислях і звільнитись від цього вже немає сили.* (У. Самчук. На твердій землі, 1966)

v) Скалярні фокусні частини також можуть служити істочником модифікаторів. Эту групу утворюють серії на *леда* (11) и *ледве* (12):

(11) *Ми люди прості, нас леда-хто обдуриць.* (І. Франко. Перехресні стежки, 1900)

(12) *Матінка навчила її ще й ходити так, щоб задок витирав якомога красномовніше, і ось уже моя Рузя перетворилася на таку кобилку, на котрій ледве хто й відмовиться погарцювати.* (Ю. Винничук. Ги-ги-и, 1970–1980)

vi) Нарешті, М. Хаспельмат говорить о маркерах неопределенности, виходящих к союзам ‘*и*’ / ‘*или*’. В сучасному українському мові таких модифікаторів нет.

Наші дослідження українського матеріала, однак, показують, що класифікація Хаспельмата може и должна бути розширена. Во-первых, в ней відсутствуют модифікатори, виходящие к квантитативним вираженням (*багато*, *мало*):

(13) *Ізраїльський досвід <...> може багато чого наснажити.* (І. Лосєв. Як вони виборювали свою країну і мову..., 2009)

(14) *Винна людина мало коли визнає свою вину...* (М. Матіос. Вирвані сторінки з автобіографії, 2010)

Во-вторых, існують модифікатори, розвинулися від місцеименного *к-корня:

(15) *Декому спало на думку, що «Іван Лютій» і Іван Дем'янюк це одна й та ж сама особа.* (І. Лосєв. Дивна справа Дем'янюка, 2009)

В-третьих, в українському, как и в других славянских языках, обнаруживаются модификаторы, восходящие к выражениям модальности необходимости (*треба*):

(16) *Я охоче дам кому треба всі посвідчення, арештуйте мене і ведіть.* (В. Винниченко. Божки, 1991)

4. Границы группы

Группа новых составных местоимений ограничена нечетко: СНМ как категория располагается между двумя полюсами шкалы [23, 105–107], на одном полюсе которой состоящие из отдельных словоформ коллокации типа *бог знає / Бог святий зна що*. На другом полюсе находятся неразложимые словоформы, например, *казна-що* или *невідь який*. В соответствии с критериями, предложенными И. А. Мельчуком [16, 195–217], такие единицы следует признать словоформами: их модификаторы не обладают признаком автономности, т.е. они не могут образовывать самодостаточные высказывания, а степень их отделимости идентична таковой у «традиционных» неопределенных местоимений: *невідь хто – невідь до кого vs. абищо – аби до кого*.

Между названными полюсами находится целый ряд промежуточных случаев, в разной степени обладающих названными признаками. Модификаторы в таких сериях, как *що завгодно, ледве хто, багато який*, имеют омонимичные более или менее автономные (способные самостоятельно образовывать высказывания) словоформы. Однако такие полноточные формы демонстрируют значительные отличия в значении.

Сравнение славянских языков показывает существование вариативности в написании структурно схожих элементов. Так, в текстах частотны как слитные, так и отдельные варианты для укр. *бозна-що / бозна що* или чешск. *bůhvíco / būhví so* 'Бог знает что'. В украинской орфографической норме такая вариативность оказывается закрепленной: например, серия на *невідь* может иметь отдельное или полуслитное (дефисное) написание. Кроме того, интересной особенностью украинских СНМ является одновременное существование в языковой системе модификаторов в исходной (*кат знає*) и грамматикализованной формах (*казна-*). Наше исследование корпуса ГРАК показало существование в письменной речи следующей вариативности данного модификатора (при единственном нормативном дефисном написании [25, 45]):

(17) *казнащо, казна-що, казна що, катзна-що, казнає-що, ка-зна-що, кат зна що, кат знає що.*

5. Инвентарь модификаторов

Различные исследователи относят к модификаторам неопределенных местоимений различное количество единиц. Такое положение вещей объясняется тем, что находящаяся в процессе грамматикализации группа СНМ не стабилизировалась, различные ее представители обладают различным статусом.

Наиболее полный объем украинских модификаторов, по нашим данным, представлен в работе И. В. Дудко [8]:

(18) препозитивные (префиксальные): *де, аби/неаби, будь-, хоч- (хоть-, хоць-) / хоч (би), бозна-, казна-, хтозна-, чортзна-, батьказна-, чорт(и)батьказна-, бісизна-, невідомо, невідь, не знати, багато, мало, бог знає, байдуже;*

(19) постпозитивные (постфиксальные): *-будь, -небудь, завгодно, хочеш, попало б (то) не був, б (то) не було.*

Общей проблемой существующих перечней модификаторов СНМ в славянских языках (ср., например, с различными списками модификаторов для русского языка в [3; 23]), однако, является отсутствие эксплицитной методологической процедуры их составления и критериев отбора единиц.

Методом, который теоретически позволяет получить более прозрачные и полные результаты, является извлечение модификаторов из языковых корпусов. Корпус для такого анализа должен соответствовать как минимум двум критериям: во-первых, он должен быть

достаточно объемным, так как исследуемые единицы относятся скорее к редким, а во-вторых, должен иметь морфологическую аннотацию и соответствующие инструменты поиска.

Результаты проведенного нами корпусного анализа украинского материала представлены ниже. Для извлечения модификаторов мы использовали недавно ставший доступным корпус ГРАК, который соответствует обоим критериям: он достаточно велик (содержит 291 917 160 токенов), имеет морфологическую аннотацию и доступен для поиска инструментами NoSketchEngine.

Так как СНМ допускают орфографическую вариативность (слитное и полуслитное vs. раздельное написание), для поиска мы использовали две различные процедуры. Для модификаторов первого вида использовались запросы типа (20) для префиксальных и (21) для постфиксальных единиц. После этого была использована функция «Частота словоформ», которая позволяет получить все возможные словоформы (в данном случае начинающиеся или оканчивающиеся *к-корнем) и информацию об их частотности.

(20) .*хто

(21) хто.*

Для извлечения модификаторов, которые имеют или могут иметь раздельное написание, использовался инструмент «Коллокации». Поскольку модификаторы могут состоять из нескольких орфографических слов и быть отделены от *к-корня предложениями, поиск кандидатов для коллокаций – словоформ – производился на расстоянии -2–0 для префиксальных и 0–2 для постфиксальных модификаторов. После этого все кандидаты из выдачи с абсолютной частотностью более 5 проверялись вручную. NoSketchEngine позволяет сортировку результатов по нескольким статистическим моделям. Как выяснилось, наилучшие результаты для поиска модификаторов дают MI- и T-score-модели.

Приведенный список модификаторов из упомянутой работы И. В. Дудко содержит 17 разных префиксальных и 7 постфиксальных серий. В нашем списке оказалось 34 префиксальных и 13 постфиксальных единиц (включая «традиционные» неопределенные местоимения в обоих списках):

(22) префиксальные М.: *аби/неаби; багато; байдуже; біс(ы) (його) зна/бісизна; біс батька зна; богвість; бозна/богзна/бозна/бог святий зна; будлі; будь; вгадай; де/да; дідько зна; казна/катзна/казнає/ка-зна/кат зна/кат знає; коє/кой; леда/ледь; ледве; лихий зна; мало; не знати/не-знати-; невідомо; невідь/невітть; незвісно; незрозуміло; непойми; непонятно; рідко; страх; хоч; хрін зна; хтозна/хтойзна/хто (його) зна; чорт батька; чорт зна/чортзна/чорт-зна; чортибатьказна/чорти-батька-зна; чорті.*

(23) постфиксальные М.: *-сь/ся; небудь; то; будь; б (то) не був; б (то) не було завгодно; треба; хочеш; хочете; потрібно; прийдеться; попало.*

Список модификаторов, основанный на анализе корпуса, дает, таким образом, более полную картину употребления СНМ в украинской речи. Так, данный список содержит модификаторы, характерные для русского языка (*богвість; коє/кой* (пример 24); *непойми; непонятно; чорті*), диалектные варианты, которые, однако находят употребление в художественной литературе (*де/да* (пример 25); *будлі*) и модификаторы, включающие табуизированную лексику (*хрін зна* (пример 26)).

(24) *Тому коє-хто в Києві ризикує отримати на Миколая різочку, якою западні дяді боляче відмагають попи всіх наших заігравшихся політичних малюків.* (С. Опанасович. Facebook, 2017)

(25) – *Чи їла ти дащо днесь ? – Та нічого я не їла.* (Випарений піп, 1950–1990)

(26) – *Спочатку доскажи історію, – прогнусавила офіціантка, консьержка чи хрін його зна хто.* (О. Ульяненко. Софія, 2008)

В группе постфиксальных модификаторов была найден ряд единиц (*треба, потрібно, прийдеться*), источником грамматикализации которых являются модальные выражения необходимости:

(27) *Професор взяв з полицки Священний Кобзар і відкрив його де треба.* – *Ось послухай, що заповів нам Пророк, - сказав вчений.* (О. Шелковенко. Збірка, 2010)

(28) *Цей маленький жвавий підліток, який ніби не був у дуже добрих стосунках зі своїми одноокласниками, виявився незамінним у тих випадках, коли треба було <...> передати кому потрібно таємну інформацію.* (Г. Гордасевич. Степан Бандера: людина і міф, 2000)

(29) *Вона не буде ходити по змінах на роботу і їсти що прийдеться.* (Н. Смик. Недоспівана мелодія..., 2016).

6. Значение.

В языкознании распространено представление о двухуровневой структуре местоименного значения [13, 294]. В соответствии с этой теорией в значении местоимений присутствуют, во-первых, собственно местоименный компонент, определяющий логический разряд, а во-вторых, абстрактный компонент значения, то есть принадлежность к онтологической категории: предметность, одушевленность, род и т.д. Анализ СНМ в славянских языках [26; 28] привел нас, однако, к гипотезе, что для адекватного описания семантики таких единиц необходимо ввести третий уровень. Таким образом, семантическая структура СНМ включает: i) онтологическую категорию (выражается *к-корнем), ii) собственно неопределенный местоименный компонент (выражается модификатором), а также iii) уровень дополнительного неместоименного компонента значения. Существование последнего уровня хорошо показывает пример (30) из параллельного корпуса Parasol⁸: *казна-що* соответствует русск. *чушь* и англ. *drivel*, что указывает на т.н. «оценочное» значение:

- (30) UK – *Ти будеш надалі варнякати казна-що?*
RU *Ты будешь в дальнейшем молоть всякую чушь?*
EN *Will you pour out such drivel in the future?*

В рамках данной статьи ниже будет более подробно рассмотрен второй компонент СНМ: собственно местоименное значение.

Е. В. Падучева [19; 20] различает пять главных семантических типов или функций неопределенных местоимений⁹. Все эти функции могут реализовывать и СНМ.

1. Слабо определенные местоимения обладают типом референции, при котором референт известен говорящему, но неизвестен слушающему. Типичный представитель этой группы – серия на *де-* (*дехто*). В данной функции оказываются возможными составные серии на *лихий зна* (31) и *багато* (32):

(31) – *Замість вигадувати лихий зна що, ви краще вилізли б зі своєї шкарлущі та пішли подивитися у монастир, чому це нас так довго десь біля огради тримають.* (Б. Лепкий. Мотря, 1926)

(32) – *Звідки ви знаєте? – Багато що про вас знаю.* (О. Гончар. Берег любові, 1976)

2. Вторую группу образуют местоимения неизвестности (конкретно-референтные неопределенные местоимения), для которых характерна презумпция существования референта, однако он является неизвестным для обоих участников коммуникации. Свойственную таким местоимениям функцию могут выполнять составные серии на *не знати* (33) или на *невідомо* (34).

(33) *До операційної сестри прийшов наречений і вони любилися у не знати якій порожній палаті на якомусь поверсі.* (Т. Прохасько. З цього можна зробити кілька оповідань, 2005)

(34) *Пильне око помічало поміж буреломів вузьке, покручене павутиння стежок, протоптаних невідомо ким і коли.* (В. Рутківський. Джури-характерники, 2010)

3. Нереперентные неопределенные местоимения обозначают неиндивидуализированные, нефиксированные объекты и множества, которые не выбраны из

⁸ ParaSol: A Parallel Corpus of Slavic and other languages (<http://parasolcorpus.org/>).

⁹ В качестве шестого типа Падучева выделяет также отрицательные местоимения. Так как эти единицы связаны с целым комплексом проблем, которые невозможно обсудить в рамках данной статьи, мы исключаем отрицательные местоимения из нашего рассмотрения.

своего класса [17, 94]. Они образуют именные группы, которые могут употребляться, например, в контекстах кондиционала (35), вопроса и стандарта сравнения (рассматриваются как «контексты снятой утвердительности» в [17; 20]; как *non-veridicality* в [29]). С другой стороны, эти именные группы позволяют говорить об объектах с определенными характеристиками, не называя сами эти объекты [17, 94], как в примере (36) (=13).

(35) <...> *навіть якщо мало хто із знайомих може дозволити собі подібне.* (О. Левченко. Чужий світ, 1992)

(36) *Ізраїльський досвід <...> може багато чого нас навчити.* (І. Лосєв. Як вони виборювали свою країну і мову..., 2009)

4. Элементы отрицательной поляризации (*negative polarity items, NPI*) – это такие языковые единицы, которые могут употребляться (лицензируются) только в определенных контекстах. Прежде всего, к таким контекстам относится прямое и косвенное отрицание. При этом сами единицы отрицательной поляризации не обладают семантикой отрицания. В языкознании отсутствует консенсус относительно списка других контекстов, лицензирующих элементы отрицательной поляризации. Некоторые авторы связывают (как и в случае с нереперентными неопределенными местоимениями) их с неверидиктальностью или снятой утвердительностью ([29], также [30], где местоимения отрицательной поляризации описываются как лицензируемые в контекстах общего вопроса, кондиционала и стандарта сравнения). Падучева [20], однако, указывает, что эта гипотеза не подтверждается материалом русского языка, где существуют отдельные нереперентные неопределенные местоименные лексемы: элементы отрицательной поляризации употребляются в контекстах отрицания и лишь в части неверидиктальных контекстов, тогда как для другой группы – нереперентных неопределенных местоимений – все неверидиктальные, но не отрицательные контексты оказываются лицензирующими.

В украинском серии на *будь* и *небудь* лицензируются в различных типах косвенного отрицания. В (37) отрицание имплицировано предлогом *без*, а в (38) оно выражается при предикате. Таким образом, местоимения этих серий должны быть признаны примерами единиц отрицательной поляризации в украинском.

(37) *Двері на вихід відчинилися <...> без будь чийї допомоги.* (Л. Дереш. Культ, 2002)

(38) *Практично на всій території України в сільській місцевості тоді вже не існувало скільки-небудь великих запасів продовольства.* (О. Волков, Є. Лавренюк. Трагедія голоду 1933 року, 1996–2010)

5. Вслед за М. Хаспельматом [30, 90–92] Е. В. Падучева постулирует отдельный тип неопределенных местоимений – местоимения свободного выбора (*free-choice*). Такие местоимения указывают на множество, из которого у Агенса есть право выбора участника ситуации, при этом Контрагенту (чаще всего говорящему) безразличен этот выбор [19, 292]. К ним в украинском относится составная серия на *завгодно*:

(39) *Отже, купуйте рушницю якої завгодно фабрики: для вас вона буде найкраща, і з таким боєм, якого ніде не бачили і не чули.* (О. Вишня. Ружжо, 1945–1956)

7. Выводы

В данной статье была представлена группа малоизученных местоимений украинского языка – составные неопределенные местоимения. Такие единицы остаются на периферии лингвистических исследований и кодификации, хотя структурно не имеют значимых отличий от «традиционных» (кодифицированных) неопределенных местоимений. СНМ не образуют гомогенной группы, так как разные ее представители находятся на разных ступенях действующего процесса грамматикализации. СНМ располагаются между полюсами различных шкал: местоименность / неместоименность, словоформа / коллокация, литературность / разговорность. Их орфография в реальной письменной речи зачастую обнаруживает значительную вариативность (*казнащо / казна-що / казна що*). Даже состав группы СНМ остается неизвестным: существующие перечни таких единиц составлены без необходимой методологической основы, а потому не могут считаться полными. В разделе 5

данной статьи был предложен корпусно-лингвистический метод, позволяющий обнаруживать СНМ. Результатом его применения на материале корпуса ГРАК стал наиболее полный на данный момент список модификаторов СНМ украинского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бевзенко С. П. Исторична морфологія української мови. Ужгород: Закарпат. обл. вид-во, 1960. 415 с.
2. Білодід І. К. Сучасна українська літературна мова. Київ: Наукова думка, 1969. 584 с.
3. Бондарева Г. А. Составные местоимения в русском языке: дис...канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 130 с.
4. Булаховський Л. А. Курс сучасної української літературної мови: Вступ. Лексика. Фонетика. Морфологія. Наголос. Київ: Радянська школа, 1951. 520 с.
5. Дзедзелівський Й. О. Проніміналізація в українській мові *Укр. мова в шк.* 1955. № 1. С. 14–20.
6. Доленко М. Т., Дацюк І. І., Кващук А. Г. Сучасна українська мова, Київ: Вища школа, 1974. 336 с.
7. Дудко І. В. Займенникове вираження категорії означеності–неозначеності в українській мові. Київ: Довіра, 2011. 232 с.
8. Дудко І. В. Неозначені займенники в українській мові: історія та сучасний стан. *Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова*. 2010. № 6. С. 104–111.
9. Ермакова О.П., Составные местоимения в русском языке. *Словарь. Грамматика. Текст*. Москва, 1996. С. 195–205.
10. Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинко І. І. Исторична граматика української мови, Київ: Вища школа, 1980. 320 с.
11. Исаченко А. В. О синтаксической природе местоимений. *Проблемы современной филологии*. Москва, 1965 С. 159–166.
12. Івченко М. П. Сучасна українська літературна мова. Київ: Видавництво Київського університету ім. Т.Г. Шевченка, 1965. 503 с.
13. Крылов С. А., Падучева Е. В., Местоимение. *Лингвистический энциклопедический словарь* / ред. В. Н. Яреца. Москва: Большая рос. энцикл, 2002, с. 294–295.
14. Масюкевич О. М. Займенникові фразеологізми. *Укр. мова в шк.* 1962. №4. С. 12–22.
15. Мельчук И. А., Местоименные выражения с именем чертыхательным типа [она уехала] черт знает куда и им подобные в русском языке. *Русский язык в научном освещении*. 2012. №2(24). С. 5–22.
16. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Москва, Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, Издательская группа «Прогресс» 1997. Т. 1. 401 с.
17. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. Москва: Наука, 1985. 272 с.
18. Падучева Е. В. Имплицитное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией. *Вопросы языкознания*. 2011. №1. С. 3–18.
19. Падучева Е. В. Русские местоимения свободного выбора. *Russian Linguistics*. 2018. №3(42). С. 291–319.
20. Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности). *Russian Linguistics*. 2015. №2 (39). С. 129–162.
21. Пономарів О. Д. Сучасна українська мова, Київ: Либідь 2001. 400 с.
22. Самійленко С. П. Нариси з історичної морфології української мови. Київ: Вища школа, 1970. 189 с.
23. Соколова С. В. Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка: дис...канд. филол. наук. Москва 2007. 202 с.
24. Тестелец Я. Г., Былинина Е. Г. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы. Доклад к семинару „Теоретическая семантика” ИППИ РАН, 15.04.2005, 2005.
25. Український правопис (2019): затверджено Українською національною комісією з питань правопису (протокол № 5 від 22 жовтня 2018 р.). URL: <https://mon.gov.ua/storage/app/media/zagalna%20serednya/05062019-onovl-pravo.pdf> (дата звернення: 20.11.2019).
26. Фисун Р. С. Об использовании семантического картирования в описании местоименного компонента значения русских составных местоимений *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. №11. Т. 2 С. 148–158.
27. Шерех Ю. Нарис сучасної української літературної мови. Мюнхен 1951. 402 с.
28. Fisun R. Semantische Besonderheiten zusammengesetzter Pronomen im Russischen, Ukrainischen und Polnischen. Unveröffentlichte Masterarbeit Regensburg, 2016. 106 S.
29. Giannakidou A. Licensing and sensitivity in polarity items: from downward entailment to nonveridicality / M. Andronis, A. Pycha, K. Yoshimura (eds.). Papers from the 38th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society, Parasession on Polarity and Negation (=CLS) 38, Chicago, IL 2002. P. 21–23.
30. Haspelmath M., Indefinite pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Clarendon Press, 1997. Pp. xvi+364.

REFERENCES

1. Bevzenko S. P. Istorychna morfolohiia ukrainiskoi movy. Uzhhorod: Zakarpat. obl. vyd-vo, 1960. 415 s.
2. Bilodid I. K. Suchasna ukrainska literaturna mova. Kyiv: Naukova dumka, 1969. 584 s.
3. Bondareva H. A. Sostavnye mestoimeniia v russkom yazyke: dys...kand. fylol. nauk. Voronezh, 2010. 130 s.
4. Bulakhovskiy L. A. Kurs suchasnoi ukrainiskoi literaturnoi movy: Vstup. Leksyka. Fonetyka. Morfolohiia. Naholos. Kyiv: Radianska shkola, 1951. 520 s.
5. Dzendzelivskiy Y. O. Pronominalizatsiia v ukrainskii movi. Ukr. mova v shk.. 1955. № 1. S. 14–20.
6. Dolenko M. T., Datsiuk I. I., Kvashchuk A. H. Suchasna ukrainska mova, Kyiv: Vyshcha shkola, 1974. 336 s.
7. Dudko I. V. Zaimennykove vyrazhennia katehorii oznachenosti–neoznachenosti v ukrainskii movi. Kyiv: Dovira, 2011. 232 s.
8. Dudko I. V. Neoznachenii zaimennyky v ukrainskii movi: istoriia ta suchasnyi stan. Naukovyi chasops NPU imeni M. P. Drahomanova. 2010. № 6. S. 104–111.
9. Ermakova O. P., Sostavnye mestoimeniia v russkom yazyke. Slovar. Grammatika. Tekst. Moskva, 1996. S. 195–205.
10. Zhovtobriukh M. A., Volokh O. T., Samiilenko S. P., Slynko I. I. Istorychna hramatyka ukrainiskoi movy, Kyiv: Vyshcha shkola, 1980. 320 s.
11. Isachenko A. V. O sintaksicheskoi prirode mestoymeni. Problemy sovremennoi filologii. Moskva, 1965. S. 159–166.
12. Ivchenko M. P. Suchasna ukrainska literaturna mova. Kyiv: Vydavnytstvo Kyivskoho universytetu im. T.H. Shevchenka, 1965. 503 s.
13. Krylov S. A., Paducheva E. V., Mestoimenie. Lingvisticheskyi entsyklopedicheskii slovar / red. V. N. Yartseva. Moskva: Bolshaia ros. entsykl, 2002, s. 294–295.
14. Masiukevych O. M. Zaimennykovi frazeolohizmy. Ukr. mova v shk. 1962. №4. S. 12–22.
15. Melchuk Y. A., Mestoimennyye vyrazheniia s imenem chertykhatelnym tipa [ona uekhala] chert znaet kuda i im podobnye v russkom yazyke. Russkyi yazyk v nauchnom osveshchenii. 2012. №2(24). S. 5–22.
16. Melchuk Y. A. Kurs obshchei morfologii. Moskva, Vena: Yazyki russkoi kultury, Venskii slavisticheskii almanakh, Izdatelskaia gruppa «Progress» 1997. T. 1. 401 s.
17. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i eho sootnesennost s deistvitelnosti. Moskva: Nauka, 1985. 272 s.
18. Paducheva E. V. Implitsytnoe otritsanie y mestoimeniia s otritsatelnoi poliarizatsiei. Voprosy yazykoznanii. 2011. №1. S. 3–18.
19. Paducheva E. V. Russkie mestoimeniia svobodnogo vybora. Russian Linguistics. 2018. №3(42). S. 291–319.
20. Paducheva E. V. Sniataia utverditelnost y neveridiktalnost (na primere russkikh mestoimeni otritsatelnoi poliarnosti). Russian Linguistics. 2015. №2 (39). S. 129–162.
21. Ponomariv O. D. Suchasna ukrainska mova, Kyiv: Lybid 2001. 400 s.
22. Samiilenko S. P. Narysy z istorychnoi morfolohii ukrainiskoi movy. Kyiv: Vyshcha shkola, 1970. 189 s.
23. Sokolova S. V. Dinamicheskie protsessy v sisteme mestoimennykh slov sovremennogo russkogo yazyka: dis...kand. filol. nauk. Moskva 2007. 202 s.
24. Testelet's Ya. H., Bylinina E. H. O nekotorykh konstrukt'syakh so znacheniem neopredelennykh mestoimenyi v russkom yazyke: amalgamy i kvazirelativy. Doklad k seminaru „Teoreticheskaiia semantika” YPPY RAN, 15.04.2005, 2005.
25. Ukrainskiy pravopys (2019): zatverdzheno Ukrainskoioi natsionalnoiu komisiieiu z pytan pravopysu (protokol № 5 vid 22 zhovtnia 2018 r.). URL: <https://mon.gov.ua/storage/app/media/zagalna%20serednya/05062019-onovl-pravo.pdf> (data zvernennia: 20.11.2019).
26. Fisun R. S. Ob ispolzovanii semanticheskogo kartirovaniia v opisaniii mestoimennogo komponenta znacheniiia russkikh sostavnykh mestoimeni Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. №11. T. 2 S. 148–158.
27. Sherekh Yu. Narys suchasnoi ukrainiskoi literaturnoi movy. Miunkhen 1951. 402 s.
28. Fisun R. Semantische Besonderheiten zusammengesetzter Pronomen im Russischen, Ukrainischen und Polnischen. Unveröffentlichte Masterarbeit Regensburg, 2016. 106 S.
29. Giannakidou A. Licensing and sensitivity in polarity items: from downward entailment to nonveridicality / M. Andronis, A. Pycha, K. Yoshimura (eds.). Papers from the 38th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society, Parasession on Polarity and Negation (=CLS) 38, Chicago, IL 2002. P. 21–23.
30. Haspelmath M., Indefinite pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Clarendon Press, 1997. Pp. xvi+364.

INDEFINITE COMPOUND PRONOUNS IN UKRAINIAN

The article focuses on a group of not fully grammaticalized indefinite pronouns – the compound indefinite pronouns (ICPs). These ICPs enjoy little attention in grammar handbooks and research papers on indefiniteness. Based on the Ukrainian material, I examine the formal and semantic structure of these items, the source constructions for their grammaticalization and the problem of demarcation of the group. In addition, I propose the corpus-linguistic method, which makes possible a systematic detection of indefiniteness markers, and present the results of such an analysis.

Key words: Ukrainian indefinite pronouns, semantics, compound pronouns, indefinite pronouns, indefiniteness.

УДК : 821.161.2(09) Шевченко Т. : 81' 322.5

Цівун Н. М.

КОРЕЛЯЦІЯ КОНЦЕПТІВ *ДОЛЯ* – *ВОЛЯ* У ТВОРЧОСТІ
ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

*У статті розглянуто кореляцію концептів *ДОЛЯ*, *ВОЛЯ* у творчості Тараса Шевченка. Увагу зосереджено на мовних одиницях тексту, в семантиці яких міститься вагома і актуальна культурна інформація. Обґрунтовано особливості концептуального наповнення цих понять та визначено їх місце в мовотворчості поета. З'ясовано, що ця кореляція доповнюється іншими концептами, утворюючи «троїсті угруповання».*

Ключові слова: концепт, кореляція, тропи, фігури, семантика, мовотворчість, Тарас Шевченко.

Аналіз поетичної творчості великого митця українського слова – це «постійний незавершений процес: нові покоління прочитують Шевченкові тексти в нових соціальних умовах» [9, 8], а «час накладає нові вимоги і розкриває нове прочитання творів Шевченка» [9, 8].

Актуальність теми дослідження зумовлена потребою ґрунтовного вивчення мовнообразної організації поетичного доробку Тараса Шевченка, оскільки його творчість є «засобом самоідентифікації українців» [9, 9], а «розшифрування глибини простого мововираження поета торкається проблеми традиції і новаторства Кобзаря» [9, 9].

Безперечно, лінгвопоетика Тараса Шевченка як явище глибинне і неординарне в історії не лише національної, а й світової культурно-мистецької, лінгвоестетичної думки була і залишається предметом наукових студій як літературознавців (В. Доманицький, Ф. Ващук, Є. Кирилук, Ю. Івакін, О. Білецький, Г. Клочек, Г. Неділько, О. Забужко та ін.), так і мовознавців (В. Ващенко, Ю. Шевельов, І. Білодід, В. Русанівський, Л. Мацько, С. Єрмоленко, Н. Мех, Л. Масенко, А. Мойсієнко, Н. Слухай, Г. Сюта, Л. Кравець, Т. Коць, С. Бибик, В. Кононенко, Л. Підкамінна та ін.). Тільки «М. Драгоманов написав про творчу спадщину Тараса Шевченка «понад 50 праць, у яких всебічно розглядав її в сучасних йому суспільно-політичних контекстах, підкреслюючи величезну цінність творчості Шевченка не тільки для сучасників, але й для наступних поколінь», а в 60-х роках ХХ ст., коли відзначалося 100-річчя з дня смерті Кобзаря і 150-річчя з дня народження, тільки М. Рильський опублікував понад 30 доповідей, статей, виступів, передмов, присвячених творчості великого поета. У наукових розвідках констатовано, що «образність «Кобзаря» – це велика загадка багатогранності у видимій простоті» [12, 67]. А безпосередньо концепти *ДОЛЯ* і *ВОЛЯ* у творчості Тараса Шевченка були об'єктом розгляду лінгвістів, літературознавців, культурологів, фольклористів, зокрема в працях С. Єрмоленко, В. Жайворонка, В. Кононенка, В. Калашника, Л. Кравець, Л. Масенко, Н. Бурлаки, Л. Тарнашинської, Н. Шарманової та ін..